знаетъ жизнь уже не въ одномъ себѣ, но въ совокупности личностей — въ племени, семьѣ, родѣ, государствѣ, и жертвуетъ для этихъ совокупностей своимъ личнымъ благомъ. Двигатель его жизни есть слава. Религія его состоитъ въ возвеличеніи главъ союзовъ: родоначальниковъ, предковъ, государей и въ поклоненіи богамъ — исключительнымъ покровителямъ его семьи, его рода, народа, государства.*)

Человѣкъ божескаго жизнепониманія признаетъ жизнь уже не въ своей личности и не въ совокупности личностей (въ семьѣ, родѣ, народѣ, отечествѣ или государствѣ), а — въ источникѣ вѣчной, неумирающей жизни—въ Богѣ; и для исполненія воли Бога жертвуетъ и своимъ личнымъ, и семейнымъ, и общественнымъ благомъ. Двигатель его жизни есть любовь. И религія его есть поклоненіе дѣломъ и истиной началу всего — Богу.

Вся жизнь историческая человѣчества есть ничто иное, какъ постепенный переходъ отъ жизнепониманія личнаго, животнаго къ жизнепониманію общественному, и отъ жизнепониманія общественнаго къ жизнепониманію божескому. Вся исторія древнихъ народовъ, продолжавшаяся тысячелѣтія и заканчивающаяся исторіей Рима, есть исторія замѣны животнаго, личнаго жизнепониманія общественнымъ и государственнымъ. Вся исторія со времени императорскаго Рима и появленія христіанства есть, переживаемая нами и теперь исторія замѣны государственнаго жизнепониманія божескимъ.

Вотъ это то послѣднее жизнепониманіе и основанное на немъ христіанское ученіе, руководящее всей нашей жизнью и лежащее въ основѣ всей нашей дѣятельности, какъ практической, такъ и научной, люди мнимой науки, разсматривая его только по его внѣшнимъ признакамъ, признаютъ чѣмъ то отжившимъ и не имѣющимъ для насъ значенія.

Ученіе это, по мнѣнію людей науки, заключающееся только въ его догматической сторонѣ — въ ученіи о Троицѣ, искупленіи, чудесахъ, церкви, таинствахъ и пр.— есть только одна изъ огромнаго количества религій, которыя возникали въ человѣчествѣ и теперь, сыгравъ свою роль въ исторіи, отживаетъ свое время, уничтожаясь передъ свѣтомъ науки и истиннаго просвѣщенія.

Происходитъ то, что въ большей части случаевъ служитъ источникомъ самыхъ грубыхъ заблужденій людскихъ: люди, стоящіе на низшей степени пониманія, встрѣчаясь съ явленіями высшаго порядка — вмѣсто того, чтобы сдѣлать усилія, чтобы понять ихъ, чтобы подняться на ту точку зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на предметъ, — обсуживаютъ его съ своей низшей точки зрѣнія и съ тѣмъ большей смѣлостью и рѣшительностью, чѣмъ меньше они понимаютъ то, о чемъ говорятъ.

Для большинства научныхъ людей, разсматривающихъ жизненное нравственное ученіе Христа съ низшей точки зрѣнія общественнаго жизнепониманія, ученіе это есть только весьма неопредѣленное, нескладное соединеніе индійскаго аскетизма, стоическаго и неоплатоническаго ученія и утопическихъ антисоціальныхъ мечтаній, неимѣющихъ никакого серьезнаго значенія для нашего времени, и все значеніе его сосредоточивается для нихъ въ его внѣшнихъ проявленіяхъ: въ католичествѣ, протестантствѣ, догматахъ, борьбѣ съ свѣтской властью. Опредѣляя по этимъ явленіямъ значеніе христіанства, они подобны глухимъ, которые судили бы о значеніи и достоинствѣ музыки по виду движеній музыкантовъ.

Отъ этого происходитъ то, что всѣ эти люди, начиная отъ Конта, Страуса, Спенсера и Ренана, не понимая смысла рѣчей Христа, не понимая того, къ чему и зачѣмъ они сказаны, не понимая даже и вопроса, на который онѣ служатъ отвѣтомъ, не давая себѣ даже труда вникнуть въ смыслъ ихъ, прямо, если они враждебно настроены, отрицаютъ разумность ученія; если же они хотятъ быть снисходительны къ нему, то съ высоты своего величія поправляютъ его, предполагая, что Христосъ хотѣлъ сказать то самое, что они думаютъ, но не съумѣлъ этого сдѣлать. Они обращаются съ его ученіемъ такъ, какъ, большею частью, поправляя слова своего собесѣдника, говорятъ самоувѣренные люди съ тѣмъ, кого они считаютъ много ниже себя: «Да, вы собственно хотите сказать то-то и то-то». Поправка эта дѣлается всегда въ томъ смыслѣ, чтобы ученіе высшаго, божескаго жизнепониманія свести къ низшему, общественному.

Обыкновенно говорятъ, что нравственное ученіе христіанства хорошо, но преувеличено, — что для того, чтобы оно было вполнѣ хорошо, надо откинуть отъ него излишнее, неподходящее къ нашему строю жизни. «А то, ученіе, требующее слишкомъ многаго, неисполнимаго, хуже чѣмъ то, которое требуетъ отъ людей возможнаго, соотвѣтственно ихъ силамъ», думаютъ и утверждаютъ ученые толкователи хри-

*) То что на этомъ общественномъ или языческомъ жизнепониманіи основываются столь разнообразные склады жизни, какъ жизнь племенная, семейная, родовая, государственная и даже теоретически представляемая позитивистами жизнь человѣчества, это не нарушаетъ единства этого жизнепониманія. Всѣ эти разнообразныя формы жизни основаны на одномъ представленіи о томъ, что жизнь личности не есть достаточная цѣль жизни, что смысль жизни можетъ быть найдетъ только въ совокупности личностей.